

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 Омытые кровью / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Чекисты. Волки Сталина).

ISBN 978-5-04-172921-9

В июне 1928 года Александр Большаков, молодой уполномоченный ОГПУ, получил назначение в провинциальный шахтерский городок. Едва он зашел в отделение по борьбе с бандитизмом, как ему выдали «наган» и порекомендовали взять еще и ружье. Оказывается, сводный отряд милиции, уголовного розыска и конвойной стражи выезжал в глухой хутор на ликвидацию особо опасной банды атамана Шустова.

На подходе к хутору отряд нарвался на засаду. Но это еще были цветочки. Вскоре к околице села Средние Гати лошадь притащила привязанный изувеченный труп. Это был внедренный с огромным трудом в банду Шустова секретный сотрудник Леша Готов.

И тогда Большаков понял, что отряду придется еще не раз умыться кровью, прежде чем им удастся схватить матерого бандита за горло...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172921-9

ГЛАВА 1

Ну вот и они. Деловито так, по-хозяйски вышли толпой на прогалину перед заимкой, топча тяжелыми сапогами траву-мураву. Уверенные в своей силе и моей слабости.

Один с обрезом, другой с револьвером наперевес. А третий аж с топориком. По виду — каноническая лесная банда. Хоть в синематографе снимай. И такие они чистенькие, аккуратненькие, форсистые, что непозволительно для подобных лесных чудищ.

— Э, красноперый, — поправив сползшую на нос кепку, заорал один из лиходеев в потертой черной кожаной куртке и штанах-галифе — и не жарко ему. — Не кипишуй! Поговорить надо!

Тут я ему верил. Убивать меня они не собирались. Во всяком случае, сразу. Им на самом деле нужен был разговор. Возможно, с пристрастием. Убивать же будут потом. Предварительно развязав мне, «красноперому», язык.

Я нарочито неторопливо спустился по скрипучим ступенькам — было их всего две. И теперь вни-

мательно смотрел на приближающихся бандитов. Однако не мог узреть среди них главного — атамана Шустова.

Эх, сердце. Что ж ты так барабанишь отчаянно, будто решило вырваться из груди и расстаться со своим беспокойным и рискованным хозяином? Это к хорошей драке. Есть такая старая народная примета — чем сильнее сердце барабанит, тем славнее бой.

— Ручки-то подними, — взмахнул «наганом» «кожаный», похоже, бывший в этой артели за старшего.

Не нравились ему мои ручки. Особенно то, что они за спиной. И поделом не нравились.

Поднимать я руки вверх, конечно, не стал, а просто резко махнул правой. И в сторону бандитов полетела только что принятая на вооружение РККА граната «Ф-1» с запалом Ковешникова. Получите и распишитесь!

А сам бросился обратно в бревенчатый, вросший в землю, мшистый сруб. Упал на пол. Оборонительная граната — вещь страшная. Сечет все вокруг, как коса, радиус разлета под двести метров. Самому бы не попасть под осколки.

Грохнуло. По бревнам забарабанили осколки. Снаружи послышались крики боли и отборные, даже мастерские, матюги.

Да, ребята. Это вам я нужен живым. А вы мне не особенно.

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

Потом загрохотали выстрелы. Завертелся бой. И осталось у меня на этом распутье две дороги — победить или героически пасть. В плен я сдаваться не собирался ни при каком раскладе...

Но обо всем по порядку. Эта история началась в июне 1928 года в чрезмерно комфортабельном купе мягкого вагона, когда, как писал великий русский поэт и мой тезка в плане имени-отчества Александр Сергеевич Пушкин, я приближался к месту моего назначения...

ГЛАВА 2

— И что, Париж так великолепен, как описывают классики? — с интересом спрашивал я.

— Бульвары. Мулен Руж. Синематограф братьев Люмьер. Дамы в бриллиантах и изумрудных колье. Шикарные магазины... Нет ничего этого. — Мой собеседник отхлебнул чая из стакана, втиснутого в массивный подстаканник с надписью «Пейте на здоровье», — такие уже несколько лет производятся специально для железной дороги.

— А куда все делось? — удивился я, откидываясь на плюшевую спинку в купе стучащего колесами на жестких стыках мягкого вагона.

Мой попутчик загадочно улыбнулся. Отставил чай и потянулся за массивным серебряным портсигаром, тяжелым, с вензелями. Вообще, у этого человека все было по высшему разряду — дорогой

костюм, тяжелая трость, галстук. И сам статный, худощавый, с тонкими чертами лица и тронутыми сединой волосами, уже в почтенном возрасте — лет за сорок. Глаза его были насмешливые и внимательные. Да, сразу видно, что передо мной не простой воробей, а птица высокого полета. При этом он сразу вызывал симпатию.

— Всего этого нет для людей, не имеющих состояния и не принадлежащих к высшему сословию. — Он вытащил сигарету из портсигара, помял ее и засунул обратно. — Для большинства жителей Париж — это не искрометный Монмартр с его кабаре и художниками, а тяжелая работа на буржуйского дядю без какого-либо шанса выбраться из заколдованного круга безысходности. Понимаете, Александр, у нас как-то затерлись эти штампы — буржуй на мешке золота и истощенный рабочий. Воспринимаем это с долей иронии. Но я как человек, объехавший всю Европу, утверждаю — а ведь так и есть. Трудящийся человек что в Париже, что в Бомбее — это раб капитала. Он безнадежно и тяжело трудится на паразита, который всю жизнь будет высасывать его соки.

— Поэтому буржуазный мир и обречен, — кивнул я.

— О, он еще поборется. Мировая революция, уверяю вас, дело не скорое. Тем более буржуй сейчас начинает заискивать с трудящимися, бросая им кости с барского стола.

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

— Не поможет.

— А вот это вопрос, — протянул собеседник. — Нельзя недооценивать паразитов. И привлекательности их образа жизни.

С попутчиком мне повезло. Это был просто кладезь всякой любопытной информации. И я, как репей, прилепился к нему с расспросами, порой назойливыми. Он в этот миг будто стал проводником в какие-то иные миры. За свою долгую жизнь этот человек побывал во многих городах и странах, в основном до революции. А меня волшебный аромат дальних стран пьянил всегда. Казалось, там, за горизонтом, настоящая сказка. Это иллюзия, конечно, там такие же люди, и у них свои проблемы. Но все равно поделаться я с собой ничего не мог — пьянило меня очарование дальних дорог, новых знаний, иных реалий. Поэтому слушал я его разинув рот.

— Коньячку? — спросил попутчик, вытаскивая из объемистого саквояжа, предназначенного для дальних путешествий, серебряную фляжку с тонким узором и два серебряных наперстка.

— Не пью, — развел я руками. — Мы больше по атлетике. А она со спиртным плохо сочетается.

— А я сделаю глоток. — Он глотнул прямо из фляжки и убрал ее в саквояж. — Коньяк не просто алкогольный напиток. Сегодня он символ того, что ты что-то значишь.

Попутчик был горным инженером, звали его Сигизмунд Яковлевич. И направлялся он с пред-

писанием от «Союзгля» в шахтоуправление Углеградска, где его ждала важная должность. Хороший инженер — это птица редкая и дорогая в плане пропитания. Стране нужны хорошие специалисты. И страна не жалела средств на их зарплату и обустройство. Поэтому он имел полное право на трость с серебряным набалдашником, тяжелый портсигар и костюм от лучших портных.

В общем, была при общении с моим спутником доля даже зависти и восхищения с моей стороны. Умеют же люди жить. Умен, образован. Красивые и дорогие вещи, к которым лично я испытывал достаточно позорную для истинного коммуниста тягу, но поделаться с собой ничего не мог.

Меня попутчик раскусил быстро. Хотя для этого много ума не требовалось. Посмотрев на мою гимнастерку без знаков различия, перепоясанную потертым кожаным ремнем, осведомился:

— А вы из служивых будете, милостивый государь?

— Ну не совсем. Я больше по чиновничьей стезе, — невольно переходя на высокий стиль, ответил я.

— А, понятно. ОГПУ, — кивнул попутчик.

Я только неопределенно пожал плечами. Распространяться о своей ипостаси я не собирался. С другой стороны, шила в мешке не утаишь. Я же не какой-то там секретный сотрудник, а вполне официальное и доступное людям лицо. Тем более с ин-

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

женером мне непременно придется общаться, как и со всеми значимыми фигурами города — работа такая, всех должен знать и держать руку на пульсе. Так что это дорожное знакомство мне еще пригодится.

— Первое назначение, — с пониманием произнес он.

И тут почти в точку. Сам знаю, что нет во мне солидности, зато излучаю юношеский восторг перед миром, что не свойственно сотрудникам нашей организации, проработавшим в ней даже недолгое время.

— Не совсем. — Я невольно покосился на шрам, проходящий через запястье к ладони — память о недавней стажировке. И попутчик с пониманием кивнул.

Да, лихая у меня стажировка вышла. Был приказ стрельбы не открывать, потому что агрессивная толпа, скучившаяся около здания райкома и готовившаяся на штурм, была из обычных, одурманенных вражеской пропагандой трудящихся. Ну как стрелять по трудящемуся человеку? Только уговаривать и распропагандировать. А затем выявлять зачинщиков, и с теми уже по всей строгости. Только толпа мало походила на одурманенных пролетариев. Это был сброд, жаждавший погромов и крови. А войска запаздывали. И противостоять всему приходилось нескольким сотрудникам ОГПУ и милиционерам, выглядевшим достаточно хлипко

на фоне агрессивного сборища. И у меня аж спина чесалась в предчувствии провокации.

Так и произошло. Откуда-то грянул выстрел. Толпа рванула вперед. И тут же мне пропорили чем-то острым левую руку. Я успел в ответ двинуть кулаком в нападавшего, так что только зубы посыпались. А потом смутно помню последовавшие события. Махал кулаками, отбивался и понимал — сейчас сомнут. Потянулся все же к револьверу, наплевав на строгие указания.

Но на указания не один я плюнул. Загрохотала длинная оглушительная очередь. Как потом я узнал — находившийся в осаде вместе с верными партийцами секретарь райкома, обустроив точку на втором этаже, выкатил каким-то образом завалявшийся там с давних времен пулемет «максим» да и ювелирно срезал из него пару человек с оружием. А затем дал длинную очередь поверх голов. И спас нас.

Отбились. Бурление в районе длилось еще долго. Вообще год был беспокойный. Менялась страна. Вылезли все старые враги, подбивали не слишком довольный коллективизацией и новшествами народ на бузу. И кому с этим разбираться? Ну конечно, нам, ОГПУ...

Поезд продолжал тащиться страшно медленно — казалось, пешком быстрее дойдешь. Уходил он из облцентра в три часа ночи, а в Углеградск умудрялся дотрюхать аж ближе к следующему вечеру. Мы про-

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

стаивали на каждом полустанке, где неторопливо выгружались почта и какие-то тюки. А потом так же неспешно плелись дальше, встречая и пропуская гремящие тяжелые составы с углем.

Но дорога под разговоры была куда веселее. Инженер рассказывал про свою работу. Про Берлин, где он учился еще до Первой мировой войны. Про Европу. И про поэзию геологии, которая оказалась не наукой о камнях, а наукой о нашей планете.

Мне страшно импонировала его немножко старорежимная манера разговора. Притом гораздо больше, чем развязно-панибратский и хамоватый стиль большинства наших товарищей, подчеркивающих, что они люди простые, из народа. Почему из народа нужно тащить грубые манеры, я не понимал. Моя беда в том, что отец заботился о воспитании единственного сына. Давно это было. Тогда, когда у меня еще была семья. И был я то ли обычным сорванцом, ввязывающимся в отчаянные драки с нашими врагами из селян, то ли начитанным барчуком, сыном самого образованного в городке человека — учителя.

От этих воспоминаний мне как-то взгрустнулось. И собеседник тоже замолчал, думая о чем-то своем. Наконец, он сказал:

— Подъезжаем!

Показался Углеградск с куполами церквей, двухэтажными домишками. А вот и здание вокзала,

приземистое, длинное, выкрашенное в какой-то грязно-желтый цвет, с башенками и архитектурными излишествами.

— Конечная! Собираемся! Выходим! Не забываем багаж! — кричал проводник отчаянно, будто поднимая людей в атаку.

Конечная. Притом не для этого поезда, а просто конечная — железная дорога тут обрывалась, шпалы кончились, рельсов нет. А дальше шли глухие сельские районы и обширнейшие, непролазные леса и болота. Вокруг же города работали угольные шахты.

Какая-то робость на миг снизошла на меня. Первая моя самостоятельная работа. Важный этап жизни и настоящий экзамен на человеческую и профессиональную зрелость. И обрывающаяся железная дорога выглядела символично. Все, проторенный путь кончился. Дальше неизвестность. Чаша, в которой придется нащупывать свой единственно верный путь.

Попутчик едва улыбнулся, понимая мое состояние. Мне вообще показалось, что он чертовски много понимал.

— Ну что ж, пора прощаться. Возьмите почитать. — Он протянул мне книжку.

Это было дореволюционное издание с ятями и прочими излишествами. На дешевой картонной обложке значилось: «Артур Конан Дойль. Приключения Шерлока Холмса».

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

— В связи с родом вашей деятельности сие творение будет не просто интересно, но и поучительно, — отрекомендовал книгу попутчик.

Знал чем порадовать. Распознал во мне запойного книгочея, что, впрочем, неудивительно с учетом того, что под полкой среди моих вещей лежали две увесистые связки книг, а в дороге я читал только что вышедшее романтическое произведение Александра Грина «Бегущая по волнам» — там как раз про моря и путешествия.

— А как вернуть? — спросил я.

— О, думаю, проблем найти меня у вас не будет. Освоюсь — заглядывайте в гости. Вижу, вы юноша пытливый и начитанный. А у меня хорошая библиотека, и еще арабский кофе, прекрасный китайский чай.

Он протянул картонку, на которой было отпечатано типографским текстом «Ветвитский Сигизмунд Яковлевич, горный инженер». Это называется визитная карточка, такой старорежимный атрибут, раньше подобные были у всех почтенных персон.

— Всенепременно, — расшаркался я.

Поезд тряхнуло, и он замер. Горный инженер пожал мне на прощанье руку. Подхватил свой саквояж. И вышел, захлопнув за собой дверь — его ждал багаж в багажном вагоне, носильщики. Вряд ли такой человек потащит ношу в своих руках. Носильщики, извозчики — хорошая жизнь. А я сейчас выволоку на перрон тюки и стопки книг. И пота-

щусь с грузом через всю платформу. Носильщики с извозчиками — это дорого и вообще признак буржуазности.

Тут в купе постучали. Дверь с лязгом и треском стремительно ушла вбок. И в проеме прохода возникла массивная фигура. Густой бас угрожающе произнес:

— Большаков?..

ГЛАВА 3

Лицо у незнакомца было разбойничье, сам здоров, как бык, тон весьма напористый и опасный. Так что я невольно напрягся. Первая мысль была: ну вот и по мою душу пришли. Несмотря на молодые года, врагов я успел нажать немало. Особенно в последнее время, когда настажировался всласть в особой оперативной группе центрального аппарата ОГПУ. Многим мы хвост прищемили. Или местная контрреволюция решила новому оперативнику прописать пулю авансом?

— Ну я Большаков, — буркнул я, прикидывая варианты.

Незнакомец вытянулся по струнке:

— Штатный дежурный Богородцев. С окротдела мы. Начальство приказало вас встретить и проводить.

Я ощутил, что краснею и скоро буду походить на рака после выварки. Люди добрые, посмотрите

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

на меня, пугливого дурака! Это ж надо такое себе напридумывать. Понятно, что из области оттелеграфировали, каким поездом едет новый уполномоченный. Вот с окружного отдела и послали встретить.

Теперь я более миролюбиво осмотрел присланного за мной сотрудника. Рубаха-косоворотка, заправленные в сапоги серые брюки — и все равно сие партикулярное платье смотрелось на нем военной формой. Стоял он навытяжку, чувствовалась еще старорежимная солдатская школа, которую не вытравишь. И вместе с тем в глубине его глаз горела легкая насмешка по отношению к молодому, да раннему, который командовать будет. Но старый служака, не достигший чинов и званий, судя по всему, привык подчиняться молодым да ранним. Такова жизнь. И в такой системе отношений он чувствовал себя вполне комфортно, хотя сейчас уже времена давно другие, тянуться необязательно, все вроде как равны.

— Александр, — протянул я руку.

И был вознагражден крепким рукопожатием.

— А мы Андрей Данилович будем. Давайте вещички, — сказал чекист.

Он подхватил здоровенный баул, куда поместились выходной костюм, военная форма. Я не привык, чтобы мои вещи кто-то таскал вместо меня, но отказываться не стал. Одному тяжело было бы, а так только подхватил две стопки книг.

Богородцев двигался легко, несмотря на свое массивное телосложение. Ловко спрыгнул со ступенек вагона на перрон вокзала.

Я последовал за ним. И чертыхнулся. Тоже мне, спортсмен-атлет. Приземлился на перрон неудачно, едва не наворачнувшись. И тут еще вдобавок в бок меня пребольно толкнули.

Выронив стопку книг, я отскочил. И увидел перед собой престранную личность. Невольно отступил на шаг. Напрягся.

Передо мной стоял невысокий, жилистый, худой мужичонка. Его длинная красная рубаха была перепоясана бечевкой, жидкая бороденка топорщилась. В руках он сжимал деревянный ящик — судя по всему, подвизался перетащить груз. Лицо его было перекошенное, а глаза какие-то безумные. И смотрел на меня он не со злостью и недовольством, а с видимым испугом. Под моим вопросительным взглядом он сжался, будто хотел провалиться сквозь землю. Губы его дрогнули, и из глаз неожиданно потекли слезы.

— О, Гордей, — воскликнул Богородцев. — Экий ты неловкий... Ну чего испугался? Это не военный. Это наш товарищ. ОГПУ. Надежа и опора советской власти. Понял?

Мужичонка закивал, уставился в землю и, не глядя больше на меня, засеменял вперед, легко таща перед собой ящик, кажется, довольно тяжелый. Приглядевшись к нему, я понял, что скорее это не

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

мужичонка, а парень, и лет ему не так много, едва за двадцать. Просто гримаса на лице сильно старит.

— И кто это такой? — недоуменно поинтересовался я.

— Да наш местный юродивый. На вокзале трется, кому что поднести, чем помочь.

— А что я ему сделал плохого?

— Это он на военную форму ярится, — пояснил мой проводник. — Во время Гражданской беляки его сильно обидели. Вот теперь и шарахается испуганно от всех френчей, шинелей и гимнастеров.

Пока было прохладно, но вскоре летнее солнце нагреет этот город, примется изнурять трудовой люд. Ну и ладно. Жара лучше, чем холод.

На покрытой брусчаткой круглой привокзальной площади толпился встречающий и прибывающий народ. Метались мальчишки, предлагая газеты, разную бытовую мелочь и папиросы. Выстроились в ряд извозчики и деревенские телеги. Ажиотаж был понятен. В этот медвежий угол пассажирские поезда приходят раз в два-три дня. Но железнодорожники не скучают. Из Углеградска уходят состав за составом, груженные углем. Конечно, до Донбасса и Кузбасса нынешние копи не дотягивали, и лучшие времена их были в прошлом, но все же в угольных запасах страны местное стратегическое сырье занимало достойное место.

К моему удовольствию, Богородцев направился не к извозчикам и телегам, а к длинному красному

автомобилю с открытым верхом, на его радиаторе сияла синей эмалью пластинка с надписью Fiat. Сопровождающий обустроил аккуратно на заднем сиденье мои вещи и жестом пригласил меня в машину:

— Домчим с ветерком.

Богато живут. Давно меня в лимузине не катали. Хотя и очень старом, похоже, дореволюционном.

Богородцев подтвердил догадку:

— Раньше тут буржуи кучеряво жили. Сплошь французские да немецкие концессии были. Много чего от них осталось. В том числе моя пони.

Он ласково погладил рулевое колесо и со всей дури нажал на клаксон, так что лошадь рядом фыркнула и отпрянула.

А машина достаточно резво, хоть и с каким-то мистическим скрежетом, рванула вперед. И я ощутил истинное удовольствие. Все же в роскоши есть своя порочная притягательность. Мне казалось, что весь город, да что город — вся страна сейчас смотрит на меня, мчащегося в лимузине, и люди протягивают что-то уважительное: «О, этот парень не промах, если его катают на таком авто».

Окротдел ОГПУ располагался в двухэтажном каменном здании с колоннами и античным портиком. Второй этаж занимал уголовный розыск, а первый — мы.